

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Александр ТАМОНИКОВ

СМЕРЬ

**Призрак
со свастикой**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Призрак со свастикой / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-210393-3

Отступая под натиском советских войск, фашисты вагонами вывозят с оккупированных территорий награбленное добро. Один из таких составов, отправленный из Нижней Силезии, бесследно исчез где-то по дороге. Об этом стало известно советской контрразведке. Разыскать пропавшее золото поручено группе капитана СМЕРШ Павла Вереста. В ходе расследования выясняется, что состав ушел без охраны, нападению и бомбежке в пути не подвергался. Есть надежда, что груз цел. Верест отправляется по следу «золотого» эшелона и случайно находит старую боковую колею, ведущую в горы. То, что случилось дальше, опытный офицер, прошедший войну, не мог представить себе даже в страшном сне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210393-3

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Ранение было пустяковым. Пуля прошла навывлет через мышцу левого плеча, не задев кость. Досадно, войне конец, а ты тут лежи, копоти небо. На календаре 18 мая 1945 года, десятый день мирной жизни. Военно-полевой госпиталь располагался за северными предместьями Праги, вблизи опрятной деревушки с ласковым названием Неженка. Сюда свозили всех подряд — гражданских, офицеров, рядовой состав. Это было одноэтажное здание барачного типа с подсобными постройками. Вокруг росли липы, декоративная калина. За окном палаты — зевающие красноармейцы гвардейского корпуса, несущие службу по охране госпиталя, полуторка с красным крестом, пятнистый «ГАЗ-М1» главврача Тетерина. Пустая беседка, из которой медсестры и санитарки гоняют курильщиков. Павел третий день изнемогал от безделья, украдкой курил в открытое окно, прислушивался к разговорам товарищей по несчастью. Рука работала, пусть с болью, со слезами, но работала. Опасности ранение не представляло, операция — не бей лежачего, но пуля оказалась

какой-то зловредной — порвала ткани, и первые два дня он не мог найти себе места. Анальгетики лишь временно снимали мучения. А потом вдруг полегчало, болезненные ощущения притупились. Возникла мысль: что он тут делает? К товарищам, в группу! Эти неумехи дров же наломают без него! Три дня назад он выловил в больничном переходе измотанного главврача Тетерина — подслеповатого худощавого майора с моргающими глазами — и потребовал немедленной выписки.

— Товарищ больной, вы соображаете, что говорите? — воскликнул Тетерин. — Какая выписка?! Как минимум неделю на нашей койке, ничем другим порадовать не могу. Рана должна зажить. Мы не имеем права выписывать людей до полного излечения.

— Поймите, доктор, — упорствовал Павел, — мне надо в часть, меня там ждут, я не могу без дела отлеживаться в вашем «санатории»!

— Неужели, больной? — язвительно оскалится главврач. — Вы не в курсе, что война уже закончилась? Я не имею права вас выписывать, если вы снова собираетесь в строй! Вот если на «гражданку» — тогда другое дело. И вообще хватит митинговать! — отрезал доктор. — Идите на место, скоро придет медсестра Ларочка и сделает вам укол.

Не хотел он медсестру Ларочку. Она была нескладной, некрасивой и обладала нулевым обаянием. Другое дело, медсестра Танечка — боль-

шеглазая, миловидная, с длинными волнистыми волосами. Но последняя редко заходила в палату к пациентам «средней тяжести», работала с «тяжелыми» и на подтянутого капитана даже не смотрела. Он продолжал возмущаться, распаляясь все больше:

— Да вы знаете, кто я такой? Капитан Верест Павел Сергеевич, сотрудник Главного управления контрразведки Наркомата обороны, руководитель специальной группы отдела Смерш ударной армии! Я требую немедленной выписки, иначе покину это заведение самовольно!

Доктор немного побледнел, но позиции не сдавал.

— Знаете, милейший, — устало вздохнул он, — мне глубоко безразлично, кто вы такой — Смерш, НКГБ, генерал армии, хоть генералиссимус Суворов. Пока вы находитесь на лечении, вы — никто, зарубите себе на носу. Здесь я командую. А вы извольте подчиняться. Всего хорошего, больной!

Павел продолжал ворчать под нос, возвращаясь в койку. Совсем страх потеряли — в грош не ставят контрразведку. Как назло, разболелась рука. Он лежал, свернувшись под одеялом, пыхтел от злости, как паровоз на холостом ходу. Нескладная медсестра гремела инструментом, делала кому-то перевязку. Ее постное личико только раздражало. С улицы неслись гневные выкрики Вероники Аскольдовны — капитана медицинской службы, обладающей несносным характером:

— Когда же это кончится, граждане больные? Снова в беседке накурено и матом наругано! Вам невдомек, что курение убивает — пусть медленно, но неотвратно? Не приходит в голову, что среди больных есть некурящие и им не очень нравится дышать вашими выделениями?!

Павел усмехался под одеялом. Некурящих в победоносной Красной армии практически не осталось. Курили самосад, махорку, редкие отечественные папиросы, вонючий немецкий табак с переизбытком отравляющих смол — гарантированное средство от старости. Курила сама Вероника Аскольдовна, фамилии которой никто не знал. Всякий раз, ампутировав кому-то руку или ногу, она сидела в своей камере, кашляла в зловонном дыму и прикладывалась к флакону с медицинским спиртом.

Рука ныла, как последняя сволочь. Боль вытягивала душу. Иногда она отступала, давала передышку, потом опять переходила в наступление. Вдобавок рука на перевязи не держалась — постоянно выпутывалась.

В госпитале гвардейского корпуса, дислоцированного к северу от Праги, было сравнительно тихо. Пациенты не отличались буйным нравом. На другом конце барака кто-то стонал, просил пить. Там сновали люди в белом (отнюдь не ангелы), кого-то вытаскивали на носилках. Соседи, ефрейтор Бульба и рядовой Кондратьев, украдкой резались в карты. Оба поступили неделю назад

с осколочными ранениями мягких тканей. Пострадали от одной гранаты — зачищали в составе роты поселок на краю Праги, какой-то «непримиримый» юнец и бросил со второго этажа смертоносный сюрприз. Вместо того чтобы упасть, оба рванули, как ошпаренные. А потом «добрые доктора», украдкой посмеиваясь, извлекали из задних мест небольшие, но острые осколки. Они постоянно ругались, очевидно, вели доброе знакомство еще до госпиталя. «Какого черта ты рванул от этой гранаты? — шипел Кондратьев на Бульбу. — Тьма ты необученная, падать надо было, осколки бы поверху и разлетелись». — «А що ж ти не падав, раз такой розумний? — отбивался от товарища Бульба. — Міг би не бігти за мною». — «Так ты меня с толку сбил, — объяснял Кондратьев. — Ты побежал — и я побежал. А теперь стыдоба будет перед парнями, когда в роту вернемся. Хоть не приходи — опарафинят по полной программе!»

Над ними даже здесь посмеивались: мол, убеждали товарищей своими задницами. Пострадавшие крысились на обидчиков, не забывая и меж собой выяснять отношения. Сейчас опять грызлись — не поделили последнюю сигарету. «Петро, оставишь покурить? — упрасивал Кондратьев. — Ну, будь человеком, мы же с тобой в одном окопе выросли. Отдам завтра — мамой клянусь! Скотина же ты, Петро! Ну, ладно, придет война, попросишь каску...» — «Ага, я сьогодні сволочь», — злорадно скалился Бульба.

Впрочем, после обеда он подобрел. Кормили в госпитале на убой, съел две порции борща и, держась за живот, стал стонать, что теперь понимает значение слова «переборщить». Оба, хватаясь за спинки кроватей, уволоклись на свежий воздух. Отсутствовали долго, а когда вернулись, как-то воровато озирались, обменивались заговорщическими взглядами. Кондратьев поддерживал под исподним что-то выпуклое. И где, спрашивается, достали? Они лежали на кроватях, перешептывались, и Павел прекрасно все слышал.

— Слышь, Петро, мы же охренеем от этого литра, — бурчал Кондратьев. — Пойло «паленое», дурить будем. Нам третий нужен, понимаешь, дубина хохляцкая? Давай предложим парню, ну, который рядом дрыхнет? Посидим втроем — культурно, за жизнь пощечем.

— Та ну його! — испуганно шептал Бульба. — Самі подумаємо, чого тут пити? Цей хлопець ніби офіцер, а Ларка навіть казала, що з самого Смершу... Не буде лихо, Серьога, подалі від них треба триматися, як би не вийшло чого...

— Да не бойся ты, чего жадничаешь? Не съест тебя этот офицерик... Эй, приятель! — Кондратьев потянулся, осторожно коснулся плеча. — Ты спишь, или как?

— Ага, сплю, — повернувшись, открыл глаза Павел.

— С пробуждением, товарищ, — дружелюбно подмигнул ему Кондратьев. — Слушай, у нас тут

литр чешской горилки образовался, у мужика, что воду возит, обменяли на кое-что... Ты как, товарищ? Не откажешься от завтрашнего легкого похмелья?

— Не откажусь, — подумав, согласился Павел. — Но вынужден предупредить, товарищи красноармейцы, — похмелье будет трудным и вредным. Не имеют чехи должных навыков в изготовлении самогона. Ваше пойло суровее денатурата.

— Но мы ведь не пасуем перед трудностями? — хмыкнул Кондратьев.

— Да, мы привыкли преодолевать трудности, — согласился Верест. — Встречаемся после отбоя, товарищи бойцы. А пока займитесь бытовой стороной вопроса: посуда, закуска, прикрытие...

Он упорно пытался уснуть. Кондратьев из Пензы и Бульба из Запорожья тоже вскоре утомились. В отсеке стало тихо. За пределами палаты снова кто-то стонал, звал на помощь. Ругались санитары — тоже не образцы трезвости. Доносилась отдаленная канонада, а может, это слуховая галлюцинация? Бои ведь закончились. 8 мая пал Берлин, 12-го — Прага. Случались локальные стычки, периодически на запад прорывались «бродячие» немецкие колонны. Отдельным это удавалось, других уничтожали артиллерийским и пулеметным огнем. Пленение западными союзниками военнослужащих вермахта (а тем более

ваффен СС) ценилось больше, чем пленение частями Красной армии. Последнюю они боялись как огня. Госпиталь находился в тылу дивизии, в стороне от основных дорог, и с двух сторон подпирался лесом.

Сон как отрезало — ноющая боль в конечности не давала уснуть. Второе ранение за войну — под Днепром в 44-м досталось крепко, когда маленькая группа оперативников, шныряющая по черничному бору, вступила в перестрелку с немецкими парашютистами. Выжили все, даже уничтожили четверых, но всем составом надолго переселились в лазарет. Хорошо поддавший хирург с «золотыми» руками резал вдоль и поперек, извлекая из бока минный осколок, цокал языком: ого, счастливчик, везет же некоторым! Еще немного — и печень бравого офицера превратилась бы в ливерную начинку! Текущее ранение, по сравнению с тем, было просто отпуском. Но как бесило! Дожить до дня победы и загреметь на больничную койку! Незадолго до ужина он, приняв неустойчивую вертикаль, выбрался на улицу. Погулял под зеленеющими деревьями, привел в порядок мысли. Побег из госпиталя представлялся сложным мероприятием. Собственное обмундирование — в запертой каптерке у старшины Сидоренко. Документы — у главврача. Чтобы все это вернуть, нужно быть удачливым вором либо безжалостным убийцей. Да и где сейчас его часть? Блуждать по южной Германии и северной Чехии,

чтобы угодить к своим коллегам, которые немедленно отправят его в лагерь для проверки? А что такое фильтрационный лагерь, он знал как никто другой...

Павел курил, стоя на углу. Санитары-астеники выносили тело, укрытое с головой. Спустилась медсестра Татьяна, грустно смотрела, как покойника грузят в крытый прицеп к «полutorке». Он подошел поближе, забыв про зажженную сигарету. Симпатичная девушка вышла из оцепенения, растерянно уставилась на офицера в больничной пижаме. Перевела взгляд на дымящуюся сигарету.

— Я знаю, Танюша, — вздохнул Павел, — это курение меня когда-нибудь убьет. Но смерть произойдет не скоро. От чего он? — кивнул он на отъезжающую машину. По договоренности с местными властями, под кладбище отвели участок леса в двух минутах езды от госпиталя. Везти тела на родину было нереально, хоронили здесь же, в далекой Чехословакии, о существовании которой многие погибшие в недалеком прошлом даже не подозревали.

— Курите, что с вас взять! — передернула плечами девушка и вяло улыбнулась: — Если вам так легче — какая польза от этих запретов? Капитан Максимов, командир роты связи... — пробормотала она, провожая глазами уходящий «катафалк». — Тянули провода с солдатами, попали в засаду, были обстреляны из минометов...

Несколько человек выжили, вызвали помощь. У капитана вся левая половина была в месиво. Его не сразу нашли, видно, пришел в себя, полз, оказался в болоте, обнаружили чисто случайно... Раны уже загноились. Вероника Аскольдовна ему руку ампутировала, левую ногу ниже колена, сразу сказала, что не жилец. Такое сильное заражение — сепсис перешел в гангрену, мы не могли ничего сделать... Он перед смертью говорил, что планировал еще пожить...

— Для капитана Максимова уже началась вечность... — как-то невпопад буркнул Павел. — Давайте посидим, Танюша? Вы замужем?

— Ну, иногда... — Она поколебалась, глянула на часы, смерила его каким-то стеснительным взглядом.

Они сидели на лавочке в глубине больничного сада, болтали о какой-то чепухе.

— Правду ли люди говорят, что вы служите в Смерше? На вид не похож, такое открытое, доброе лицо... — спросила Таня.

— Что вы, Танюша, это ведь не трехглавый Горыныч, всего лишь контрразведка армейского уровня, поиск и уничтожение диверсантов, беглых главарей Третьего рейха. Вы же не спорите, что и тех, и других надо ловить? Первых уничтожать, вторых — задерживать для дальнейшей передачи суровому, но справедливому суду. А вообще я — человек сугубо штатский, до войны учился на инженера. Вот закончится война, расформируют

армию, думаете, пропаду? Да кем угодно — хоть слесарем пятого разряда, хоть руководителем крупного металлургического предприятия...

Девушка смеялась, смотрела на него с интересом, как-то непроизвольно придвинулась ближе. Потом спохватилась, глянула на часы и, сделав большие глаза, воскликнула:

— Господи, Павел, вы мне все уши заболтали! Это вам хорошо, а мне работать...

— Давайте встретимся позднее, после ужина, — «схватил быка за рога» Павел. — Посидим на этой лавочке, посмотрим на звезды, я расскажу вам про картины Дюрера и Ганса Гольбейна, которые видел собственными глазами. А если будет холодно, мы можем посидеть вон там... — Он покосился на открытую дверь подсобки, где хранился хозяйственный инвентарь. «Займемся какими-нибудь милыми глупостями», — уже срывалось с языка, но не сорвалось.

— Какой вы быстрый... — Татьяна облизнула пересохшие губы, очень привлекательно сдула со лба непослушный завиток. Потом засмеялась: — Хорошо, Павел, приходите в девять вечера, я постараюсь освободиться и подумаю, стоит ли сюда приходиться...

Она убежала, одарив его улыбкой. А он сидел в оцепенении, потом еще покурил.

После ужина, когда стемнело, вернулся на то же место, ждал, таращась на звезды. Госпиталь шумел, за углом надрывался двигатель. Кого-то

привезли, и возникало горькое опасение, что Танюша сегодня не вырвется. Но она прибежала с опозданием на двадцать минут, села рядом.

— Простите, Павел, не могла раньше, там раненых привезли... Это местные, двое мужчин, католические священники, говорят, что участвовали в Соппротивлении... Наш дозор услышал взрывы, а когда прибыл на место, нашли машину, она лежала вверх ногами... тьфу, колесами... — Танюша нервно засмеялась. — Оба переломаны, головы разбиты, жалуются, что везли церковную кассу — там было много драгоценностей, — а кто-то напал, отобрал...

— Неисповедимы пути Господни, — развел руками Павел. — Даже у церковников всякое случается, не все уважают Господа. Хорошо, сами живые остались...

— Выживут, — вздохнула Танюша. — Тетерин возмущался: зачем привезли сюда гражданских, своих лечить нечем, но все же принял их. Куда еще везти этих падре? Пока до Праги довезут, последние кости переломают...

Он слегка приобнял ее и ласково попросил:

— Расскажи о себе, Танюша. Я же ничего о тебе не знаю...

И совершил непростительную ошибку! Она обрушила на него словесный поток, который невозможно было остановить! Бормотала, заикалась, впивалась ногтями ему в руку. Город Ростов, который на Дону, там она родилась, провела дет-

ство. Деда по чудовищной ошибке расстреляли в 30-м — объявили кулаком! Две коровы, десяток гусей — какое зажиточное крестьянское хозяйство! В колхоз не хотел идти, но колхоз ведь дело добровольное, разве нет? Бабушка умерла через год, пошла на речку и утопилась, не снеся позора и одиночества. Отца арестовали в 37-м — был директором крупного завода сельскохозяйственной техники. Обвинения звучали невнятно, но домой он не вернулся — враг народа, 58-я, 20 лет без права переписки. За что? Он всегда был убежденным сторонником советской власти. Снова ошибка? Об отце ни слуху ни духу, мать с дочерью обивали пороги НКВД, хорошо, хоть самих не арестовали. Мать заболела, умерла в сороковом. Танюше пришлось оставить роскошную квартиру в центре Ростова, съехать в крохотную халупу на окраине. Осталась тетушка — последняя родная душа. Та постоянно повторяла в сердцах: «Эх, страна-то родная, а живем как бедные родственники!» Татьяна оставила учебу в институте культуры, поступила в медучилище. В начале 41-го перевели в Киев, районная больница, бравый офицер Красной армии, которому вырезали аппендицит, знойный роман, замужество, беременность... Потом война, будь она проклята. Муж уехал на фронт, сражался в войсках генерала Павлова, которого впоследствии расстреляли за бездарное командование, выходил из окружения, получил ранение. Снова встретились, расстались.

Известие о смерти тетушки, о сгоревшей квартире, в результате был выкидыш — от последствий Танюша чуть не умерла. Оккупация Киева, оккупация Ростова. Судьба носила по фронтам. Любила мужа безумно, и того судьба хранила. Пару раз встречались «на минуточку» — и снова в путь, по фронтовым дорогам. Опять беременность в начале 45-го — и вновь жуткий выкидыш. Господь хранил ее избранника до апреля 45-го, потом отвернулся. Зееловские высоты, на которые маршал Жуков, чтобы сохранить танковые армии, послал пехоту — и гибли там тысячами, десятками тысяч, мостили склоны высот своими телами. Там и погиб капитан, дослужившийся до майора, но так и не узнавший об этом... Танюше сообщили лишь в начале мая, когда война почти закончилась, и голова была забита планами на дальнейшую семейную жизнь... Но она сильная, она справилась, старается не выдавать своего горя, помогает раненым как может. Пусть Павел простит, что ее сегодня так развезло...

Он гладил ее по спине, молчал, с сожалением прощался со своими планами. Не последняя же сволочь — тащить девчонку в сарай в таком состоянии. Она закрыла лицо ладонками, дрожала, просила его чем-нибудь помочь. Чем помочь? Посидеть рядом и тоже поплакать? Нет, его не сломит чужое горе. Своего хватает. Это не волшебный мир детских сказок. Сколько подобных историй он повидал и выслушал!

Танюша выдохлась, замкнулась. Он поднял ее, отвел в барак, тонко намекнув, что им ничто не мешает встретиться завтра. А время вылечит, не может не вылечить (если не сдохнешь во время лечения).

— Спасибо, Павел... — пробормотала медсестра, шмыгая носом. — Не знаю, что на меня нашло, простите, ради бога... Я очень плохо себя чувствую, мы завтра посидим с вами под луной, хорошо? И вы расскажете о себе...

Чтобы и его пробило так же? Нет, спасибо. Он вернулся в кровать мрачнее тучи. По лазарету сыграли отбой, удалились санитарки и медсестры. Зашевелились соседи, забренчали стаканами. «За победу, товарищ капитан! — провозгласил Кондратьев первый тост. — Мы тут хлебушка добыли, немного сыра — не пропадем».

Он выдержал три тоста — последующий за живых, потом за мертвых (количество первых было скромным, последних — зашкаливало). Бульба посетовал: мужиков в стране почти не осталось, а нужно ведь хозяйство поднимать, армию сохранить. Бабы нами будут командовать? Самогон был отвратительный — такое чувство, что его гнали из прогнивших портянок. Павел извинился перед честной компанией, посоветовал не налегать на это дело, дабы не умереть с похмелья, и лег, завернувшись в одеяло и стараясь заснуть. Картины прошлого вставали перед глазами. Он их старательно перебирал — лишь бы не думать о худшем.

Начало мая, солнышко, капитуляция берлинского гарнизона! Утомленные войной солдаты разбрелись по захваченному Берлину. Похоронные команды сбивались с ног. Потери потрясли воображение — только мирных берлинцев погибло больше ста тысяч, не говоря уж про военных с обеих сторон. Были случаи мародерства, насилия над мирными немцами, но, будучи очевидцем тех событий, Павел не сказал бы, что они носили массовый характер. Особо немцам не мстили — отходчива русская душа. Оперативники Смерш рылись в бункере Гитлера, рыскали по Берлину в поисках беглых генералов. Разорялся старый знакомый майор Зыбин: «Что тут осталось от вашего Геббельса? На чем прикажете везти в штаб эти обгорелые останки? Единственная «эмка» на всю группу! Как живые после этого сядут?» Товарищи смеялись: «Он такой же наш, как и ваш. Вези на чем хочешь, лишь бы не растряс по дороге бранные косточки одиозного министра пропаганды». Отыскали полуторку, договорились с бойцами. Порой на Смерш возлагались совсем уж нехарактерные функции. 8 мая собрали оперативников, усилили взводом автоматчиков. Приказ: охранять крупного чина гитлеровской Германии, как родную маму! Не дай боже, с ним что-то случится, закрывать в случае опасности своей грудью, и никаких гвоздей! Приказ впитали, но удивление осталось. Часть правительственного квартала оцепили так, что мышь не проскочит. Брониро-